

◆ Прошедший год был благосклонен к выпускникам матфака. Подошли к защите докторских диссертаций А. К. Цих, Н. Н. Тарханов, В. М. Левчук. С. И. Сеняшов поступил в докторантуру. Для сравнения: прежде на факультете из его выпускников было всего два доктора наук.

Впервые выпускник матфака стал ректором университета!

◆ Всего в КГУ в течение года защищены 1 докторская и 8 кандидатских диссертаций.

◆ В этом году на матфаке были открыты госбюджетные темы НИЧ. Это позволило привлечь практически всех сотрудников факультета, а также заинтересовать (и материально тоже) студентов серьезной научной работой.

Хоздоговорных тем стало больше на две.

◆ в 1989 году университетом:

— Заключено хозяйственных договоров на 2,8 млн. рублей.

— Получено финансирование по госбюджетной тематике на фундаментальные исследования — 1,4 млн. (Это больше, чем всеми вузами края вместе взятыми).

— Продано лишнего и устаревшего оборудования на 150 тысяч рублей — При материальном стимулировании производивших сделку. Сам факт такой сделки осуществился впервые.

◆ На химическом факультете — три уровня «событий».

Во-первых, открытие новой специализации «Физическая химия материалов электронной техники» и в связи с этим увеличение набора.

Во-вторых, создание полностью хозрасчетного регионального инженерного центра компьютеризации и научного приборостроения, который понимается как государственный подход к решению экологических задач. Функции центра — разработка и внедрение новых методов аналитического контроля экологических объектов; маркетинг в области санитарно-экологического контроля и внедрение разработок на предприятиях региона и др.

В-третьих, заключение договора о создании физико-химического центра между Академией наук — университетом — Горнохимическим комбинатом, что означает качественно — новый уровень подготовки специалистов, т. е. по сути договор влетает за собой организацию единого учебно-производственного комплекса, включающего базовую школу — техникум — кафедру — комбинат.

◆ Для общежития год заканчивается откровенно лю-

хо. Вот одна из суббот декабря: рано утром группа молодых людей (около 50 человек) приехала на автобусе, зашла во 2-е общежитие, оборвала телефоны, заблокировала выходы и поднявшись в 509-ю комнату избивала двух студентов. Из разговоров со студентами выяснилось, что общежитие № 2 очень посещаемо посторонними людьми, причем, как видите, иногда с поразительной организованностью, которые нашли себе в общежитии «базу», точнее — базовые комнаты (сейчас устанавливаются, какие; например, 723-я). А когда эти люди ввязываются в ссоры или выпрясают деньги, все бегут в 509-ю, где два сильных парня сами решали конфликты, не обращаясь в органы. В результате — такая расплата.

Меры администрации: в январе-феврале в общежитии будет организован пункт охраны правопорядка, будет участковый, дружинники. Но вообще администрация в растерянности: к ней не идет никакой обратной информации. Ведь то, что мы рассказали — только версия, по поводу которой студенты говорят: «Если вам нужна другая — мы дадим другую». Просьба — обращаться в случаях скрытых преступлений: спекуляции, склонения к сожигательству и т. д.

◆ Экономический факультет: часть студентов-заочников, которые получают второе высшее образование, переведены в этом году на платное обучение (2 тысячи рублей за человека). За выпускников дневного отделения факультет в этом году получит примерно 150 тысяч (3 тысячи стоит выпускник экономфака КГУ). А за выпускника открывшейся новой специализации «Международные экономические отношения» будет платить по 10 тысяч рублей.

В то же время — факультет получил комнату под кафедру; по нынешним временам это событие. Вообще на факультете открывается 2 новых кафедры — итого их будет пять.

◆ Не столько главным, сколько единственным событием после лета на ППФ называют «введение статусов» студентов, которое обсуждалось на запусковой игре и вызвало на факультете движение умов.

Неформальной части руководства факультетом казалось, что студенты плохо мотивированы на учебу. Нет никакой выгоды хорошо учиться: ни оценки от этого не зависят, ни жизненный успех. Статусы должны были навести порядок. В зависимости от того, какой тип деятельности осуществляет человек, такой статус он и получает. Статус — это правовое положение, реально — та степень свободы, которая человеку дается.

Характеристики типодействительностей сформулировались на играх.

Высший тип, четвертый, — самообразование, экстернат. Студент сам формирует сферу изучения, сам устраивается, место работы ищет. Основание для предоставления этого статуса — защита программы обучения на кафедре и в Совете факультета.

Третий тип — профессионализация под руководством педмастера. Большинство студентов делают заявку на этот статус. Второй тип — научная ориентация, когда через научно-исследовательскую группу привязываются к руководителю. Первый тип — освоение готового.

Статус вводится в 2 этапа: заявка и оформление своего статуса. Потом студент может не проходить рубежный контроль, уехать куда-нибудь — он в статусе.

В сессию те, кто основательно пользовался статусом, в нем остаются или переходят в другой; те, кто безосновательно — статуса лишаются и наказываются.

Введение статусов скорее вводило содержание, которое за этими статусами предполагается. Кроме того, это моменты контроля, отбирания свобод у тех, кто ими незаконно пользуется.

Положительный эффект статусы уже дали: начали составляться индивидуальные планы и программы. Самые перспективные движения стали носить оформленный характер. Но сейчас эта попытка оставлена, т. е. не опирается на общественное мнение: в студенческих массах обнаружилось непонимание некоторых фундаментальных образовательных моментов; например, не видят, зачем нужен порядок.

◆ В этом году три кафедры биологического факультета — физиологии растений и микробиологии, экологии, гидробиологии и ихтиологии — включились в работу по биотестированию

сточных вод предприятий города (а в перспективе и края). по заданию Краевого комитета охраны природы и совместно с ним.

Биотестирование — это определение токсичности водной среды по биологическим объектам или процессам. Оно призвано давать оперативный сигнал о наличии и оценку потенциальных последствий длительного влияния токсических загрязнений. Внедрение методов биотестирования диктуется экономическими и природоохранными причинами. В настоящее время со сточными водами в водоемы поступает более шести тысяч химических ингредиентов (не составляет в этом плане исключения и наш Енисей). В то же время предельно допустимые концентрации установлены менее, чем у шестисот из них. Но даже и эти 600 не всегда регистрируются в водах существующими аппаратурой и методами химического анализа. Особо низкая эффективность химического контроля комбинированного действия компонентов сточных вод. Например, воды, содержащие цинк и медь на уровне ПДК (по хим. анализу), имеют токсичность для рыб в 8 раз большую, чем каждый компонент в отдельности. В этих случаях биотестирование является единственным методом оценки опасности загрязненных вод.

Реакции и чувствительность к вредным веществам у водных организмов (водоросли, бактерии, простейшие рыбы и др.) существенно различаются. Поэтому весьма актуальной и ближайшей задачей биотестирования является подбор показательных тест-объектов, тест-реакций и автоматизации работ по их регистрации.

Основой к выполнению работ по биотестированию послужили наработки кафедр по биоиндикации природных вод, по изучению биологии ряда гидробионтов и разработанная серия приборов, оперативно регистрирующих информативные показатели по быстрой и замедленной флуоресценции водорослей.

З. Г. ГОЛЬД.

◆ (Зима, «Лягво»)

Немеркнувший красный
На выцветшем синем
Бумажные маги
Почат себе с миром
(Светлее они чем
Печаль в поднебесьи)
Несущие книги
Неслыханных песен
О тех по закону
Кто ближе всех к небу
Кто выпростав стоны
То вправо, то влево
(Убежище чье за-
Чарован: город)
Таится в лиши ос-
таётся лишь шорох
О том кто еще раз
Как будто случайный
(Темней он чем имя
Имен настоящих)
Как будто нечая-
нно выдаст их снова
И к крову спешаще-
го тень пешехода.

М. Чабан.

◆ ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ-89.

Вопрос о взаимоотношениях студентов и студенческого профсоюза не является однозначным, во всяком случае для меня.

Ежедневно в профком обращается 20—30 человек, в основном, по вопросам личной жизни. И это понятно — куда же еще пойти студенту со своими проблемами. Кроме того, многие стороны деятельности профсоюза касаются именно «личной жизни». За последние полтора-два года резко возросло число обращений студентов в профсоюз. Большая часть их просьб, конечно, начинается словами: «А как можно получить...?», «А у вас есть...?», «А где дают...?»

Профком ежегодно обеспечивает 200—250 человек путевками на диетпитание, 25—30 человек путевками на санаторно-курортное лечение, около 30 человек — путевками в дома отдыха. Ежегодно оказывается студентам единовременная материальная помощь на общую сумму 11—12 тысяч рублей, приобретаются детские новогодние подарки, оформляются пособия студентам, имеющим детей. Но ведь это только одна сторона деятельности профсоюзной организации.

Еще одна большая и не легкая задача — организация досуга студентов. И сегодня она решена в университете очень слабо. Здесь профкому нужна студенческая инициатива и помощь. Пытаемся возродить СТУДЕНЧЕСКИЙ КЛУБ. Написано положение о студклубе, получены обещания о поддержке (как моральной, так и финансовой) со стороны ректората, создан художественный клуб самодельной песни, приятно удивил всех молодой фольклорный коллектив. Решаются вопросы о помещении для работы инструментальных ансамблей, приобретается аппаратура для их комплектования. Работает кинолекторий «Иллюзион», еженедельно по четвергам демонстрируются фильмы.

Самой сложной и самой непопулярной работой считается организационная. Это, во-первых, кампания по приему в профсоюз студентов I курса, которая традиционно затягивается, во-вторых, проведение различных собраний, заседаний. К собраниям у студентов вообще существует некоторая «аллергия». Но ведь мы так много говорим о демократии, о коллективном решении вопросов. А для этого нужно, как минимум, собрать коллектив. Профком в этой работе оказался тоже не на высоте. Пример тому — профсоюзная студенческая конференция. Отсутствие четкой организации со стороны профкома и некорректное поведение студентов оставили неприятное впечатление от кон-

ференции. Над организационными вопросами профкому и профбюро надо еще поработать и работать.

Основной же деятельностью профкома является защита прав студентов. Мы считаем защитную функцию профсоюза первостепенной, тем более, что нарушения студенческих прав имеют место в университете.

В этом году в профкоме работает правая комиссия.

Н. В. БЕСПРОЗВАННЫХ,
◆ Из области международных связей:

— Завершается организационная работа по созданию советско-американского совместного предприятия, одним из учредителей которого является университет.

— Вопрос о совместном с болгарями производстве научных приборов доведен до уровня исполнителей. Подписание договора планируется на январь 1990г. — как только биофаком КГУ будет подготовлена документация.

— В несколько раз больше, чем в 1988 году, побывало наших сотрудников и студентов за рубежом — около 50.

◆ Впервые филологическим факультетом проведена конференция — по теме «Риторика и синтаксические структуры». И еще 4 конференции прошли при участии КГУ (или подготовленные им) — «Проблемы конструктивной психологии», «Социально-территориальное развитие в условиях перестройки общественных отношений», «V Всесоюзная школа по методам аэродинамических исследований», «Семинар-совещание заведующих кафедрами физической культуры вузов Сибири и Дальнего Востока».

◆ Университет принял участие в шести престижных выставках, в их числе — IV международная выставка в Югославии и Передвижная коммерческая выставка в ГАР, ЧССР, ВНР, ПНР. А. Н. Шендеров был награжден Серебряной медалью ВДНХ СССР; И. Ю. Виделец — Диплом ВДНХ СССР на международной выставке «Наука-88» и Диплом на международной выставке в Югославии.

Награды студентов по итогам выставок и конкурсов: 5 дипломов, 22 грамоты Минвуза РСФСР, второе место республиканской олимпиады по юридическим наукам (В. Соловьев), два диплома II степени и один III на Всесоюзном конкурсе.

◆ Направлено в Госкомитет по делам изобретений и открытий 22 заявки на изобретение. По результатам прошлого года получено 13 положительных решений и 12 авторских свидетельств.

◆ В университете образовалась социологическая служба «Ваше мнение». Это небольшая команда студентов всех факультетов (кроме юристов) во главе с Г. А. Бокатюком. Это они предлагают вам звонить по телефону 25-63-25, который оказался телефоном парткома, и задавать любые вопросы.

университетская

ЖИЗНЬ

ОРГАН ПАРТКОМА,
РЕКТОРАТА,
ПРОФКОМА
И КОМИТЕТА ВЛКСМ
КРАСНОЯРСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Красноярский государственный университет
научная библиотека
И. В. М. Делов

Если вы помните, наш прошлый новогодний выпуск был посвящен 100-летию Крещения Руси, под знаком которого прошел весь 1988-й год. Какое событие определяло собой 1988-й? На этот раз, может быть, не так очевидно, — но этот год был годом нескольких крупных юбилеев: 190 лет со дня рождения Пушкина, 100-летие Ахматовой, 175-летие М. Ю. Лермонтова. Юбилей Пушкина праздновался в начале лета. К этому времени во всех журналах появились публикации о нем, и часто это были прежде написанные статьи (оказалось — почти все русские философы писали о нем) и зачем-то же ныне вспоминаемые: в «Юности» — Вл. Соловьев, в «Дне» — В. С. Розанов, в «Трибунальной жизни» — С. Булгаков и А. С. Франк, в «Знамени» — Вл. Ходасевич, в «Новом мире», правда, в «Воспоминаниях, ну и в «Октябре» — «Прогресс» с Пушкинами». С одной стороны, ничто не говорило больше о том, что внутренне только и волнует сейчас — сохранились ли духовные основы или именно основы разрушились — как эти публикации и телевизионные передачи (целиком посвященные Пушкину выпуск литературно-художественного видеоканала). С другой стороны, скандывалась какая-то тревога, которая так и не разрешилась (если не считать, что сняли А. Анянэва за публикацию «Прогресс» с Пушкинами).

Если бы мы могли, мы бы последовали словам Д. С. Лихачева и издали книгу лучших статей о Пушкине, и она была бы пророческой. (В магазинах лежит сборник «Пушкинист», вып. 1, собирающий старые и новые публикации о Пушкине. Надеюсь, этот и последующий выпуск вы будете иметь в виду). Но есть еще вопрос: насколько эта тема вынесена и актуализирована в окружающем это и между современными людьми может быть по этому поводу сказано, даже рационально — какой может быть создан текст. С этой просьбой — «поговорить о Пушкине» — мы обратились к ассистенту кафедры философии, Е. А. ЛЫСЕНКО. Вышло несколько другое, но, может быть, это и лучше, т. к. вся область поэтического получила свое обоснование. Предлагаем магнитофонную запись.

...Было бы интересно собрать в одну книгу наиболее яркие, концептуальные статьи и речи, выходящие за пределы собственно академического пушкиноведения, начиная, например, с бесмертной пушкинской речи Ф. М. Достоевского и гениального завещания А. Блока «О назначении поэта». Эта была бы поистине — провидческая книга.

Д. С. ЛИХАЧЕВ. Речь, произнесенная 8 июня 1880 года в заседании Общества любителей российской словесности (в связи с открытием памятника Пушкину в Москве).

«Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа», — сказал Гоголь. Прибавлю от себя: и пророческое.

...наш пост представляет собою нечто почти даже чудесное, неслыханное и невиданное до него нигде и ни у кого. В самом деле, в европейских литературах были громадной величины художественные гении — Шекспир, Сервантес, Шиллеры. Но укажите хотя на одного из этих великих гениев, который бы обладал такой способностью всемирной отзывчивости, как наш Пушкин. Самые величайшие из европейских поэтов никогда не могли уплотнить в себе с такой силой гений чужого, соседнего, может быть, с ними народа, дух его, всю затеянную глубину этого духа и всю тоску его признания, как мог это проявлять Пушкин. Напротив, обращаясь к чужим народам, европейские поэты чаще всего перевоплощали их в свою же национальность и понимали по-своему. Даже у Шекспира его итальянцы, например, почти сплошь те же англичане. Это только у Пушкина, и в этом смысле, повторяю, он явление невиданное и неслыханное, а по нашему пророческое, ибо... тут-то и выразилась наиболее его национальная русская сила, выразилась именно народность его поэзии, народность в дальнейшем своем развитии, народность нашего будущего... Ибо что такое сила духа русской народности как не стремление ее в конечных целях своих ко всемирности и ко всечеловечности?.. стремление наше в Европу, даже со всеми увлечениями и крайностями его, было не только законно и разумно, в основании своем, но и народно, совпадало вполне с стремлениями самого духа народного, а в конце концов бесспорно имеет и высшую цель... Я просто только говорю, что русская душа, что гений народа русского, может быть, наиболее способный, из всех народов, вместить в себе идею всечеловеческого единения, братской любви, трезвого взгляда, прощающего враждебное, различающего и извиняющего несходное, снимающего противоречия. Это не экономическая черта и не какая другая, это лишь нравственная черта.

...будущие грядущие русские люди поймут уже все до единого, что стать настоящим русским и будет именно значить: вместить с братской любовью всех наших братьев, а в конце концов, может быть, и изречь окончательно слово великой, общей гармонии, братского окончательно согласия всех племен по Христову евангельскому зако-

В чем отличие поэзии Пушкина?

Может быть, слишком старая фраза, но поэзия Пушкина слишком глубоко вошла в нашу культуру и является как бы воздухом, которым мы дышим и который не замечаем. Задолго до школы, задолго до соприкосновения с поэзией, мы уже Пушкина знаем, и его речь так или иначе в наш язык входит. И здесь возникает тогда та проблема, что мы не можем эту поэтическую сферу, связанную с Пушкинами, его слово **предметизировать**, потому что оно глубоко в нас самих заключено. Мы не можем к нему относиться, как к таким поэтам как Рильке, которых мы уже на каком-то определенном уровне духа начинаем узнавать, понимать. А здесь сложнее: раз Пушкин вошел в нас самих, значит нам придется некоторые вещи, связанные с нашим существованием, поднимать. Это всегда очень трудно, и вообще я не знаю, возможно ли это.

Потому я хочу повести разговор о Пушкине в связи с высшим проявлением творчества, которое мы называем гением, т. е. чем-то таким, что имеет религиозный оттенок, потому что «гениус» — это дух, который помогает человеку, связан с ним, дает ему вдохновение. В современности же это слово почти ничего не обозначает. Но мы его употребляем, и важно знать, почему.

Разговор в этом плане помог бы нам взглянуть на поэзию Пушкина и вообще на поэзию, которая для нас трудно рефлексируема.

Я хотел бы начать с одного выражения Гельдерлина. Гельдерлин однажды сказал про поэзию так: «Поэзия — это невиннейшее из занятий». В каком смысле он это говорит? Конкретно по тексту он пишет письмо матери, которая опасается, что он слишком усилительно занимается, это может привести к каким-то последствиям для здоровья или даже в политической сфере. И Гельдерлин, чтобы ее успокоить, так высказывает, что поэзия — невиннейшее из занятий.

Причем он здесь не кривит душой. И если посмотреть, что за этим стоит, то возникает несколько моментов. Поэзия в принципе не может причинить вреда (словом). Если брать ее соотношение с действительностью — она не может воздействовать на действительность непосредственно. Мы можем поэту верить и поэту не верить, воспринимать поэта и не воспринимать поэта. В этом смысле он как бы играет, пишет какие-то невинные вещи. И еще: он сам постоянно подчеркивает лживость своего слова. Поэт может сказать «сказка», «как будто», «слово», «если бы» («Словно я весенней гулкой ранью проскакал на розовом коне»). Нам вроде бы совершенно безразлично, проскакал он там или нет, проскакал мы понимаем, что это всего лишь образ.

И вот если сразу зафиксировать отличие от другой речи, тоже в общем-то, с точки зрения поэтической, поэтического характера, — я имею в виду приближенную к религиозной речь, — то там такие слова как «если бы», «слово» — не употребляются. Например, в китайцы, которая является столько же религиозной и поэзией, сколько и философией, так что условного проявления речи нет. Если дао говорит о том, что он оседлал ветер, то он не говорит «я как бы оседлал ветер». Он говорит: «я оседлал ветер», «ушел не оставив следа», «прошел сквозь воду» и т. д. Мы понимаем, что он оставил следы, что он не прошел сквозь воду. Потому что нельзя представить. А с другой стороны, поскольку услов-

ности нет, может быть вызвана такая интерпретация, что он действительно оседлал ветер. По крайней мере возможность такой интерпретации появляется, которой не появляется при чистой условности речи.

В поэзии эти две грани соприкасаются. Хотя метафора часто воспринимается как условность, можно видеть и безусловные утверждения, которые призывают нас к пониманию чего-то другого. И в этой связи я хочу напомнить другое высказывание Гельдерлина, уже в письме к другу и совершенно по другому поводу. Он сказал так: «Поэзия есть опаснейшее из занятий», — т. е. высказал слова, которые противоположны первому высказыванию. Этот переход к противоположности связан с тем, что поэт действительно не просто игры со словом, игры с образом, игры с метафорой, а на грани соприкосновения с какой-то реальностью, что уже не является невинным занятием, а довольно опасным делом.

Эта грань между метафорой и символом, так назовем это прямо выражение другой реальности, которая не подтверждается нашей обыденной действительностью, но в поэтической речи, и чаще в религиозной речи, высказывается. Символический характер поэтической речи заставляет нас продумывать за легкостью, за игривостью поэтических фраз какое-то серьезное содержание, обращаться на это внимание. И это при чтении поэзии видно: мы не спеша, не обдумывая, не рефлексируя — читаем, читаем, читаем, — и нас как бы заводят, или мы сами заходим, и уже другие вещи получаются.

Эту сторону поэзии я и хочу приподнять. Я зачитаю стихотворение Стефана Георга, которое анализирует Хайдеггер; анализ зачитывать не буду, а только отмечу несколько моментов. Стихотворение называется «Словом».

Из дали чудеса и сны
Я нес в предел мой
...страны.
Ждал Норны мрачной,
чтоб она
Схватила в клоч их цепку тут:
В саду моем они цветут.
Раз я из странствий шел
назад
Добыл богатый дивный клад.
Рекла не скоро Норна мне:
— Не спишь здесь ничего
на дне.

Тут клад из рук моих
скользнул,
Его в мой край я
не вернул.
Так я, скорбя, познал
запрет:
Не быть вещам, где слова
нет.

О чем говорит стихотворение? Поэт несет что-то, что он называет чудесами, и снами, в свою страну, под которой подразумевается, вероятно, язык. Богиня судьбы, Норна, здесь играет решающую роль. Поэт идет к Норне и ждет, пока она из колодца достанет имена, которые подходят для его чудес и снов. Но один раз, подчеркивается некоторая субъективность этого факта, поэт добыл не просто чудеса и сны, а даже с его точки зрения «дивный клад». Он несет его к Норне, а она не может найти подходящие слова для этогоклада. И после того, как имен не оказалось, клад ускользает. Мы так и не знаем, что это было: нет имени, поэт не может назвать. И следует также на первый взгляд пессимистическое заключение: «Так я, скорбя, познал запрет: не быть вещам, где слова нет». Т. е. по крайней мере в отношении некоторых вещей утверждается, что им «не быть», когда для них нет слова. Более того, утверждается такая странная вещь, что вроде бы ве-

НО МЫСЛЯЩАЯ ПОЭЗИЯ ПОИСТИНЕ ЕСТЬ ТОПОЛОГИЯ БЫТИЯ (Хайдеггер)

щи есть, — клад был добыт, поэт прямо указывает на это, но вот не нашлось для них имен.

Нас интересует эта последняя строфа, где говорится о запрете. С одной стороны, это крайнее для поэта нежелательно — что не нашлось слов для его видения, для егоклада. Однако мы знаем, что уже после того, как поэт познал запрет, он написал стихотворение. Т. е. в этом смысле ему не отозвано вообще в слова; после того, как он познал запрет, ему не отозвано говорить поэтически. Просто он познал запрет в отношении некоторых вещей. Что это за вещи?

В стихотворении на это никак не указывается, и это могут быть любые индивидуальные вещи, с которыми связаны переживания. Это ситуация не столь редкая. Каждый человек, испытавший какие-то переживания, сталкивается — тем паке, что он не поэт — с необходимостью говорить о них. Но здесь устанавливается какой-то новый уровень отношений между поэтом и языком. Если в первой части стихотворения утверждается, что поэт наделен властью над словом, что он открывает вещи, когда только и как только он захочет, в силу своего таланта, то во второй части эта власть ограничивается, и запрет идет не от поэта. С чем это связано, почему поэтической способности отозвано в слове? Здесь я хотел бы обратиться к анализу символа и метафоры, их сравнению. Посмотреть, что происходит, когда поэт вступает в запретную сферу — возможно, в сферу символа, почему ему отозвано в речи: «как оказывается, только ли отрицательно».

Мы можем взять единичный язык как знак и посмотреть, не с лингвистической, а я бы даже сказал с обыденной точки зрения, что это за средство. Главная сущность знака — указывать на предмет. Не будем сейчас говорить, что существуют абстрактные предметы, важно, что какие-то предметы существуют и существуют их вторичные знаки. То, что стоит за знаком, — это не то-либознаковое, а сам предмет. Знак ничего не стоит, это хорошо заметно, когда мы думаем вслух, словами. Говорим слова, а думаем не про слова, думаем про вещь. Но вот уже в искусстве знаки начинают использоваться особым, себе несвойственным образом, и в конце концов превращаются в символы.

Попытаемся понять символическую сферу, исходя из таких знаков, которые приобретают символическое значение постепенно. Давайте ходить не буду, возьму метафору «море смеется». Это выражение с точки зрения обыденного языка неправильно: море не может смеяться, а то, что смеется — не море. Что здесь выражено? Вероятно, какое-то состояние души. Но здесь важно вот что: поскольку эти два слова указывают друг на друга, море указывает на смех и смех указывает на море, и поскольку в этом взаимном указании выясняется, что эти вещи никак не могут принадлежать друг другу, — то отсюда следует, что целостное выражение, если его рассматривать как определенный знак, не имеет предмета, который бы существовал в мире. Мы это называем состоянием души или состоянием нашего сознания. И если до конца проанализировать эту структуру — почему она выражает

состояние сознания — то смысл будет в том, что она указывает на самое себя. Мы не можем выйти из круга этого двойного указания — как Гельдерлин говорит — является и спасительное. Т. е. термин «опасное» я использую не просто, чтобы пощекотать нервы. В этом смысле и у Пушкина есть такая сторона.

Если мы продолжим разговор о том неопишомом, изначально, что дается поэту, а с другой стороны не всегда удается, то нам в первую очередь нужно это как-то назвать. Мы могли бы сказать, что поэт выражает прекрасное, красивое. Но эти метафоры здесь не подходят. Я бы попытался проинтерпретировать то, что выражает поэт, как истину. И пояснить некоторые отличные понимание истины от общепринятого.

Общепринятое понимание истины (оно характерно для XIX века, да и сейчас проясняет себя в обыденном) заключается в том, что истина понимается как соответствие высказывания предмету, о котором производится высказывание. Т. е. тождество мышления и бытия, познания и познаваемого. С точки зрения такой парадигмы, всегда должно быть воспроизведено. И не нам, — это сферно. Это значит, что мы не имеем доступа к самой внутренней нашей жизни.

Я здесь хотел бы сформировать сферу подлинности, изначальности, и эта сфера будет формироваться из противуположности. Она будет одновременно формироваться из скрытности и нескрытности, а это одно и то же. Это две стороны одного и того же процесса. Мы здесь фиксируем, что нескрытое уже есть условием раскрытия. Мы здесь фиксируем, что нескрытое уже есть условием раскрытия. Мы здесь фиксируем, что нескрытое уже есть условием раскрытия.

Мы берем истолкование, то, что не выражается словами. Но наша задача истолкования может стоять существенно, если мы не понимаем текста. Чувствуем, что там что-то есть, но не понимаем. Конечно, тем, кто обладает уже некоторым опытом, — им это не нужно. Но недостаточность нашего состояния, наше желание истолковать то изначальное, что стоит за символом, — я бы сказал, они не случайны природы. Потому что само понятие символа трансцендентно, оно отсылает нас к чему-то. Если бы мы считали нашу ситуацию полностью ложной, что мы такие плохие, не можем верить, — то и символы тогда нам не нужны были бы в культуре. Но символы нам даны — и как раз для того, чтобы пробиться. Куда? К реальности. Нам важно, может ли что-то-либознаковое рассматриваться как символ, или быть символом.

Такие слова, как «идеал», «совершенство» — я не шучу — для меня ноль. Они какие-то пустые звуки, за которыми я не знаю, что стоит. И когда я читаю с такими понятиями литературу, особенно литературу XIX века, чтобы они меня не оттолкнули, я еще что-то за ними должен увидеть. За игрой бусами, переливаниями камушков, которые красивы, но для моей жизни бесполезны.

Я объясню необходимость такого анализа необходимости заглянуть за сторону легковесности, где поэзия — невиннейшее из занятий. Я вижу в этом един-

ственное средство воспринять Пушкина. Заглянуть с этой точки зрения, что поэзия есть опаснейшее из занятий. Но там, где опасное — как Гельдерлин говорит — является и спасительное. Т. е. термин «опасное» я использую не просто, чтобы пощекотать нервы. В этом смысле и у Пушкина есть такая сторона.

Если мы продолжим разговор о том неопишомом, изначально, что дается поэту, а с другой стороны не всегда удается, то нам в первую очередь нужно это как-то назвать. Мы могли бы сказать, что поэт выражает прекрасное, красивое. Но эти метафоры здесь не подходят. Я бы попытался проинтерпретировать то, что выражает поэт, как истину. И пояснить некоторые отличные понимание истины от общепринятого.

Общепринятое понимание истины (оно характерно для XIX века, да и сейчас проясняет себя в обыденном) заключается в том, что истина понимается как соответствие высказывания предмету, о котором производится высказывание. Т. е. тождество мышления и бытия, познания и познаваемого. С точки зрения такой парадигмы, всегда должно быть воспроизведено. И не нам, — это сферно. Это значит, что мы не имеем доступа к самой внутренней нашей жизни.

Я здесь хотел бы сформировать сферу подлинности, изначальности, и эта сфера будет формироваться из противуположности. Она будет одновременно формироваться из скрытности и нескрытности, а это одно и то же. Это две стороны одного и того же процесса. Мы здесь фиксируем, что нескрытое уже есть условием раскрытия. Мы здесь фиксируем, что нескрытое уже есть условием раскрытия.

Мы берем истолкование, то, что не выражается словами. Но наша задача истолкования может стоять существенно, если мы не понимаем текста. Чувствуем, что там что-то есть, но не понимаем. Конечно, тем, кто обладает уже некоторым опытом, — им это не нужно. Но недостаточность нашего состояния, наше желание истолковать то изначальное, что стоит за символом, — я бы сказал, они не случайны природы. Потому что само понятие символа трансцендентно, оно отсылает нас к чему-то. Если бы мы считали нашу ситуацию полностью ложной, что мы такие плохие, не можем верить, — то и символы тогда нам не нужны были бы в культуре. Но символы нам даны — и как раз для того, чтобы пробиться. Куда? К реальности. Нам важно, может ли что-то-либознаковое рассматриваться как символ, или быть символом.

Такие слова, как «идеал», «совершенство» — я не шучу — для меня ноль. Они какие-то пустые звуки, за которыми я не знаю, что стоит. И когда я читаю с такими понятиями литературу, особенно литературу XIX века, чтобы они меня не оттолкнули, я еще что-то за ними должен увидеть. За игрой бусами, переливаниями камушков, которые красивы, но для моей жизни бесполезны.

Я объясню необходимость такого анализа необходимости заглянуть за сторону легковесности, где поэзия — невиннейшее из занятий. Я вижу в этом един-

ственное средство воспринять Пушкина. Заглянуть с этой точки зрения, что поэзия есть опаснейшее из занятий. Но там, где опасное — как Гельдерлин говорит — является и спасительное. Т. е. термин «опасное» я использую не просто, чтобы пощекотать нервы. В этом смысле и у Пушкина есть такая сторона.

Если мы продолжим разговор о том неопишомом, изначально, что дается поэту, а с другой стороны не всегда удается, то нам в первую очередь нужно это как-то назвать. Мы могли бы сказать, что поэт выражает прекрасное, красивое. Но эти метафоры здесь не подходят. Я бы попытался проинтерпретировать то, что выражает поэт, как истину. И пояснить некоторые отличные понимание истины от общепринятого.

Общепринятое понимание истины (оно характерно для XIX века, да и сейчас проясняет себя в обыденном) заключается в том, что истина понимается как соответствие высказывания предмету, о котором производится высказывание. Т. е. тождество мышления и бытия, познания и познаваемого. С точки зрения такой парадигмы, всегда должно быть воспроизведено. И не нам, — это сферно. Это значит, что мы не имеем доступа к самой внутренней нашей жизни.

Я здесь хотел бы сформировать сферу подлинности, изначальности, и эта сфера будет формироваться из противуположности. Она будет одновременно формироваться из скрытности и нескрытности, а это одно и то же. Это две стороны одного и того же процесса. Мы здесь фиксируем, что нескрытое уже есть условием раскрытия. Мы здесь фиксируем, что нескрытое уже есть условием раскрытия.

Мы берем истолкование, то, что не выражается словами. Но наша задача истолкования может стоять существенно, если мы не понимаем текста. Чувствуем, что там что-то есть, но не понимаем. Конечно, тем, кто обладает уже некоторым опытом, — им это не нужно. Но недостаточность нашего состояния, наше желание истолковать то изначальное, что стоит за символом, — я бы сказал, они не случайны природы. Потому что само понятие символа трансцендентно, оно отсылает нас к чему-то. Если бы мы считали нашу ситуацию полностью ложной, что мы такие плохие, не можем верить, — то и символы тогда нам не нужны были бы в культуре. Но символы нам даны — и как раз для того, чтобы пробиться. Куда? К реальности. Нам важно, может ли что-то-либознаковое рассматриваться как символ, или быть символом.

Такие слова, как «идеал», «совершенство» — я не шучу — для меня ноль. Они какие-то пустые звуки, за которыми я не знаю, что стоит. И когда я читаю с такими понятиями литературу, особенно литературу XIX века, чтобы они меня не оттолкнули, я еще что-то за ними должен увидеть. За игрой бусами, переливаниями камушков, которые красивы, но для моей жизни бесполезны.

Я объясню необходимость такого анализа необходимости заглянуть за сторону легковесности, где поэзия — невиннейшее из занятий. Я вижу в этом един-

ственное средство воспринять Пушкина. Заглянуть с этой точки зрения, что поэзия есть опаснейшее из занятий. Но там, где опасное — как Гельдерлин говорит — является и спасительное. Т. е. термин «опасное» я использую не просто, чтобы пощекотать нервы. В этом смысле и у Пушкина есть такая сторона.

Если мы продолжим разговор о том неопишомом, изначально, что дается поэту, а с другой стороны не всегда удается, то нам в первую очередь нужно это как-то назвать. Мы могли бы сказать, что поэт выражает прекрасное, красивое. Но эти метафоры здесь не подходят. Я бы попытался проинтерпретировать то, что выражает поэт, как истину. И пояснить некоторые отличные понимание истины от общепринятого.

Общепринятое понимание истины (оно характерно для XIX века, да и сейчас проясняет себя в обыденном) заключается в том, что истина понимается как соответствие высказывания предмету, о котором производится высказывание. Т. е. тождество мышления и бытия, познания и познаваемого. С точки зрения такой парадигмы, всегда должно быть воспроизведено. И не нам, — это сферно. Это значит, что мы не имеем доступа к самой внутренней нашей жизни.

Я здесь хотел бы сформировать сферу подлинности, изначальности, и эта сфера будет формироваться из противуположности. Она будет одновременно формироваться из скрытности и нескрытности, а это одно и то же. Это две стороны одного и того же процесса. Мы здесь фиксируем, что нескрытое уже есть условием раскрытия. Мы здесь фиксируем, что нескрытое уже есть условием раскрытия.

Мы берем истолкование, то, что не выражается словами. Но наша задача истолкования может стоять существенно, если мы не понимаем текста. Чувствуем, что там что-то есть, но не понимаем. Конечно, тем, кто обладает уже некоторым опытом, — им это не нужно. Но недостаточность нашего состояния, наше желание истолковать то изначальное, что стоит за символом, — я бы сказал, они не случайны природы. Потому что само понятие символа трансцендентно, оно отсылает нас к чему-то. Если бы мы считали нашу ситуацию полностью ложной, что мы такие плохие, не можем верить, — то и символы тогда нам не нужны были бы в культуре. Но символы нам даны — и как раз для того, чтобы пробиться. Куда? К реальности. Нам важно, может ли что-то-либознаковое рассматриваться как символ, или быть символом.

Такие слова, как «идеал», «совершенство» — я не шучу — для меня ноль. Они какие-то пустые звуки, за которыми я не знаю, что стоит. И когда я читаю с такими понятиями литературу, особенно литературу XIX века, чтобы они меня не оттолкнули, я еще что-то за ними должен увидеть. За игрой бусами, переливаниями камушков, которые красивы, но для моей жизни бесполезны.

Я объясню необходимость такого анализа необходимости заглянуть за сторону легковесности, где поэзия — невиннейшее из занятий. Я вижу в этом един-

ственное средство воспринять Пушкина. Заглянуть с этой точки зрения, что поэзия есть опаснейшее из занятий. Но там, где опасное — как Гельдерлин говорит — является и спасительное. Т. е. термин «опасное» я использую не просто, чтобы пощекотать нервы. В этом смысле и у Пушкина есть такая сторона.

Если мы продолжим разговор о том неопишомом, изначально, что дается поэту, а с другой стороны не всегда удается, то нам в первую очередь нужно это как-то назвать. Мы могли бы сказать, что поэт выражает прекрасное, красивое. Но эти метафоры здесь не подходят. Я бы попытался проинтерпретировать то, что выражает поэт, как истину. И пояснить некоторые отличные понимание истины от общепринятого.

Общепринятое понимание истины (оно характерно для XIX века, да и сейчас проясняет себя в обыденном) заключается в том, что истина понимается как соответствие высказывания предмету, о котором производится высказывание. Т. е. тождество мышления и бытия, познания и познаваемого. С точки зрения такой парадигмы, всегда должно быть воспроизведено. И не нам, — это сферно. Это значит, что мы не имеем доступа к самой внутренней нашей жизни.

Я здесь хотел бы сформировать сферу подлинности, изначальности, и эта сфера будет формироваться из противуположности. Она будет одновременно формироваться из скрытности и нескрытности, а это одно и то же. Это две стороны одного и того же процесса. Мы здесь фиксируем, что нескрытое уже есть условием раскрытия. Мы здесь фиксируем, что нескрытое уже есть условием раскрытия.

Мы берем истолкование, то, что не выражается словами. Но наша задача истолкования может стоять существенно, если мы не понимаем текста. Чувствуем, что там что-то есть, но не понимаем. Конечно, тем, кто обладает уже некоторым опытом, — им это не нужно. Но недостаточность нашего состояния, наше желание истолковать то изначальное, что стоит за символом, — я бы сказал, они не случайны природы. Потому что само понятие символа трансцендентно, оно отсылает нас к чему-то. Если бы мы считали нашу ситуацию полностью ложной, что мы такие плохие, не можем верить, — то и символы тогда нам не нужны были бы в культуре. Но символы нам даны — и как раз для того, чтобы пробиться. Куда? К реальности. Нам важно, может ли что-то-либознаковое рассматриваться как символ, или быть символом.

Такие слова, как «идеал», «совершенство» — я не шучу — для меня ноль. Они какие-то пустые звуки, за которыми я не знаю, что стоит. И когда я читаю с такими понятиями литературу, особенно литературу XIX века, чтобы они меня не оттолкнули, я еще что-то за ними должен увидеть. За игрой бусами, переливаниями камушков, которые красивы, но для моей жизни бесполезны.

Я объясню необходимость такого анализа необходимости заглянуть за сторону легковесности, где поэзия — невиннейшее из занятий. Я вижу в этом един-

ственное средство воспринять Пушкина. Заглянуть с этой точки зрения, что поэзия есть опаснейшее из занятий. Но там, где опасное — как Гельдерлин говорит — является и спасительное. Т. е. термин «опасное» я использую не просто, чтобы пощекотать нервы. В этом смысле и у Пушкина есть такая сторона.

Если мы продолжим разговор о том неопишомом, изначально, что дается поэту, а с другой стороны не всегда удается, то нам в первую очередь нужно это как-то назвать. Мы могли бы сказать, что поэт выражает прекрасное, красивое. Но эти метафоры здесь не подходят. Я бы попытался проинтерпретировать то, что выражает поэт, как истину. И пояснить некоторые отличные понимание истины от общепринятого.

Общепринятое понимание истины (оно характерно для XIX века, да и сейчас проясняет себя в обыденном) заключается в том, что истина понимается как соответствие высказывания предмету, о котором производится высказывание. Т. е. тождество мышления и бытия, познания и познаваемого. С точки зрения такой парадигмы, всегда должно быть воспроизведено. И не нам, — это сферно. Это значит, что мы не имеем доступа к самой внутренней нашей жизни.

Я здесь хотел бы сформировать сферу подлинности, изначальности, и эта сфера будет формироваться из противуположности. Она будет одновременно формироваться из скрытности и нескрытности, а это одно и то же. Это две стороны одного и того же процесса. Мы здесь фиксируем, что нескрытое уже есть условием раскрытия. Мы здесь фиксируем, что нескрытое уже есть условием раскрытия.

Мы берем истолкование, то, что не выражается словами. Но наша задача истолкования может стоять существенно, если мы не понимаем текста. Чувствуем, что там что-то есть, но не понимаем. Конечно, тем, кто обладает уже некоторым опытом, — им это не нужно. Но недостаточность нашего состояния, наше желание истолковать то изначальное, что стоит за символом, — я бы сказал, они не случайны природы. Потому что само понятие символа трансцендентно, оно отсылает нас к чему-то. Если бы мы считали нашу ситуацию полностью ложной, что мы такие плохие, не можем верить, — то и символы тогда нам не нужны были бы в культуре. Но символы нам даны — и как раз для того, чтобы пробиться. Куда? К реальности. Нам важно, может ли что-то-либознаковое рассматриваться как символ, или быть символом.

Такие слова, как «идеал», «совершенство» — я не шучу — для меня ноль. Они какие-то пустые звуки, за которыми я не знаю, что стоит. И когда я читаю с такими понятиями литературу, особенно литературу XIX века, чтобы они меня не оттолкнули, я еще что-то за ними должен увидеть. За игрой бусами, переливаниями камушков, которые красивы, но для моей жизни бесполезны.

Я объясню необходимость такого анализа необходимости заглянуть за сторону легковесности, где поэзия — невиннейшее из занятий. Я вижу в этом един-

ственное средство воспринять Пушкина. Заглянуть с этой точки зрения, что поэзия есть опаснейшее из занятий. Но там, где опасное — как Гельдерлин говорит — является и спасительное. Т. е. термин «опасное» я использую не просто, чтобы пощекотать нервы. В этом смысле и у Пушкина есть такая сторона.

Если мы продолжим разговор о том неопишомом, изначально, что дается поэту, а с другой стороны не всегда удается, то нам в первую очередь нужно это как-то назвать. Мы могли бы сказать, что поэт выражает прекрасное, красивое. Но эти метафоры здесь не подходят. Я бы попытался проинтерпретировать то, что выражает поэт, как истину. И пояснить некоторые отличные понимание истины от общепринятого.

Общепринятое понимание истины (оно характерно для XIX века, да и сейчас проясняет себя в обыденном) заключается в том, что истина понимается как соответствие высказывания предмету, о котором производится высказывание. Т. е. тождество мышления и бытия, познания и познаваемого. С точки зрения такой парадигмы, всегда должно быть воспроизведено. И не нам, — это сферно. Это значит, что мы не имеем доступа к самой внутренней нашей жизни.

Я здесь хотел бы сформировать сферу подлинности, изначальности, и эта сфера будет формироваться из противуположности. Она будет одновременно формироваться из скрытности и нескрытности, а это одно и то же. Это две стороны одного и того же процесса. Мы здесь фиксируем, что нескрытое уже есть условием раскрытия. Мы здесь фиксируем, что нескрытое уже есть условием раскрытия.

Мы берем истолкование, то, что не выражается словами. Но наша задача истолкования может стоять существенно, если мы не понимаем текста. Чувствуем, что там что-то есть, но не понимаем. Конечно, тем, кто обладает уже некоторым опытом, — им это не нужно. Но недостаточность нашего состояния, наше желание истолковать то изначальное, что стоит за символом, — я бы сказал, они не случайны природы. Потому что само понятие символа трансцендентно, оно отсылает нас к чему-то. Если бы мы считали нашу ситуацию полностью ложной, что мы такие плохие, не можем верить, — то и символы тогда нам не нужны были бы в культуре. Но символы нам даны — и как раз для того, чтобы пробиться. Куда? К реальности. Нам важно, может ли что-то-либознаковое рассматриваться как символ, или быть символом.

Такие слова, как «идеал», «совершенство» — я не шучу — для меня ноль. Они какие-то пустые звуки, за которыми я не знаю, что стоит. И когда я читаю с такими понятиями литературу, особенно литературу XIX века, чтобы они меня не оттолкнули, я еще что-то за ними должен увидеть. За игрой бусами, переливаниями камушков, которые красивы, но для моей жизни бесполезны.

Я объясню необходимость такого анализа необходимости заглянуть за сторону легковесности, где поэзия — невиннейшее из занятий. Я вижу в этом един-

ственное средство воспринять Пушкина. Заглянуть с этой точки зрения, что поэзия есть опаснейшее из занятий. Но там, где опасное — как Гельдерлин говорит — является и спасительное. Т. е. термин «опасное» я использую не просто, чтобы пощекотать нервы. В этом смысле и у Пушкина есть такая сторона.

Если мы продолжим разговор о том неопишомом, изначально, что дается поэту, а с другой стороны не всегда удается, то нам в первую очередь нужно это как-то назвать. Мы могли бы сказать, что поэт выражает прекрасное, красивое. Но эти метафоры здесь не подходят. Я бы попытался проинтерпретировать то, что выражает поэт, как истину. И пояснить некоторые отличные понимание истины от общепринятого.

Общепринятое понимание истины (оно характерно для XIX века, да и сейчас проясняет себя в обыденном) заключается в том, что истина понимается как соответствие высказывания предмету, о котором производится высказывание. Т. е. тождество мышления и бытия, познания и познаваемого. С точки зрения такой парадигмы, всегда должно быть воспроизведено. И не нам, — это сферно. Это значит, что мы не имеем доступа к самой внутренней нашей жизни.

Я здесь хотел бы сформировать сферу подлинности, изначальности, и эта сфера будет формироваться из противуположности. Она будет одновременно формироваться из скрытности и нескрытности, а это одно и то же. Это две стороны одного и того же процесса. Мы здесь фиксируем, что нескрытое уже есть условием раскрытия. Мы здесь фиксируем, что нескрытое уже есть условием раскрытия.

Мы берем истолкование, то, что не выражается словами. Но наша задача истолкования может стоять существенно, если мы не понимаем текста. Чувствуем, что там что-то есть, но не понимаем. Конечно, тем, кто обладает уже некоторым опытом, — им это не нужно. Но недостаточность нашего состояния, наше желание истолковать то изначальное, что стоит за символом, — я бы сказал, они не случайны природы. Потому что само понятие символа трансцендентно, оно отсылает нас к чему-то. Если бы мы считали нашу ситуацию полностью ложной, что мы такие плохие, не можем верить, — то и символы тогда нам не нужны были бы в культуре. Но символы нам даны — и как раз для того, чтобы пробиться. Куда? К реальности. Нам важно, может ли что-то-либознаковое рассматриваться как символ, или быть символом.

Такие слова, как «идеал», «совершенство» — я не шучу — для меня ноль. Они какие-то пустые звуки, за которыми я не знаю, что стоит. И когда я читаю с такими понятиями литературу, особенно литературу XIX века, чтобы они меня не оттолкнули, я еще что-то за ними должен увидеть. За игрой бусами, пер

